

А. В. Филинов (Москва)

ПОЗИЦИЯ ВЫСШЕГО СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (сентябрь 1931 – декабрь 1932 гг.)

Начиная с подписания в январе 1925 г. Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, восстанавливавшей дипломатические отношения между странами, и вплоть до весны 1932 г. советско-японские отношения оставались вполне добрососедскими и в целом не были омрачены никакими серьезными проблемами¹. Вооруженный конфликт частей ОКДВА под командованием В. К. Блюхера² с войсками диктатора Маньчжурии Чжан Сюэляна в 1929 г. разворачивался при благожелательном нейтралитете японцев, видевших в «молодом маршале» более опасного врага, чем СССР³.

По мнению В. П. Сафронова, маньчжурские события 1931 г. не стали большой неожиданностью для Москвы, поскольку еще за месяц до «инцидента» стало известно о подготовке японцами захвата Маньчжурии и общем увеличении напряженности между Китаем и Японией⁴. К тому же 14 сентября И. В. Сталин, отвечая на письмо Л. М. Кагановича от 11 числа с просьбой высказать свое мнение по тематике заседаний Политбюро на ближайшее время, заметил, что «с Японией нужно поосторожнее. На своих позициях нужно стоять твердо и непоколебимо, но тактика должна быть по гибче, поосмотрительнее»⁵.

Какова же была реакция руководства СССР на события в Китае? Первыми, что вполне закономерно, высказались дипломаты. Уже утром 19 сентября 1931 г. в ходе проходившей в Москве советско-китайской конференции можно было наблюдать любопытнейший случай. Заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан, который еще со времен совместной работы с

¹ См.: Молодяков В. Э. От вражды к партнерству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР. 1930–1941 гг. // Новый мир истории России. Форум японских и российских следователей. К 60-летию профессора Вада Харуки / под ред. Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита. М., 2001. С. 523.

² См.: ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001. С. 51.

³ Там же.

⁴ См.: Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М., 2001. С. 58.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 32.

Г. В. Чичериным руководил восточными отделами наркомата¹, при разговоре с представителем Нанкина² Мо Дэхом, фактически выполнил его работу, уведомив китайского дипломата о нескольких телеграммах из Шанхая, сообщавших об оккупации японскими войсками Мукдена и населенных пунктов в Южной Маньчжурии³. Мо Дэхой, в свою очередь, оценил Японию как «сильную и агрессивную империалистическую державу», с которой не обладающий «воинственным характером» Китай не собирается воевать⁴.

Вечером того же дня, 19 сентября 1931 г., Л. М. Карахану довелось выслушать японскую версию событий, когда к нему на прием явился посол (и будущий министр иностранных дел) страны Восходящего солнца Хирота. Он уведомил советскую сторону о том, что вечером 18 сентября к северу от Мукдена китайскими войсками была разрушено полотно железнодорожной линии. Части охраны ЮМЖД встали на защиту дороги, в результате чего произошло сражение между китайскими и японскими солдатами. Что касается положения непосредственно в самом Мукдене, то там якобы все было спокойно. Помимо всего прочего, Хирота утверждал, что «19 сентября совет министров в Токио принял решение, которое немедленно было сообщено японским военным министром командующим японскими частями в Маньчжурии. Приказ предписывает командующим частями всячески стараться, чтобы столкновения в районе Мукдена не расширялись»⁵.

Л. М. Карахан, заметив, как бы между прочим, что по сути ничего принципиально нового он от посла не узнал, подчеркнул самое серьезное значение, придаваемое советской стороной происходящему в Мукдене, хотя бы потому, что все события разворачиваются вблизи КВЖД, а стало быть, могут повлиять не только на нормальную работу самой линии, но и на ситуацию в полосе отчуждения дороги. Замнаркома обратился к Хироте с просьбой впоследствии предоставить более подробную информацию в связи с положением в Маньчжурии и прояснить факт занятия японской армией Куаньчэнцзы, являвшегося конечной точкой южного участка КВЖД⁶.

¹ См.: Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009. С. 64.

² Официальные отношения с правительством Чан Кайши были разорваны еще 17 июля 1929 г.

³ Документы внешней политики (далее – ДВП) СССР. М., 1968. Т. XIV. С. 527–528.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 529–530.

⁶ Там же.

После первичного наведения справок с помощью НКВД к делу подключились и партийные лидеры. 20 сентября 1931 г. Политбюро возложило на уже теперь самого Л. М. Карахана обязанность срочно добиться от японцев дополнительных сведений и затем уведомить ответственных товарищей, которые пока откладывали какие-либо шаги в отношении маньчжурского инцидента¹.

Однако не все руководители СССР считали возможным проявить сдержанность. Согласно письму Л. М. Кагановича И. В. Сталину от 21 сентября, М. М. Литвинов, в частности, предлагал «выступить с официальным запросом и взять в печати резкий тон в отношении Японии»², но, судя по всему, поддержки подобные проявления нервозности, тем более, со стороны наркома по иностранным делам (что особенно удивительно, учитывая его должность), не получили.

Однако члены Политбюро сохраняли спокойствие весьма недолго, и уже 22 сентября Л. М. Каганович вновь ставит в известность генсека о происходящем, замечая, что «японская пресса подготавливает дальнейшее движение войск на север под предлогом защиты японских граждан», а теперь уже самому М. М. Литвинову поручено вызвать «на ковер» японского представителя в Москве³, что он и сделал в тот же день.

Как ни странно, и на этот раз Хирота не смог блеснуть осведомленностью в отношении интересовавших Советский Союз проблем, поскольку Токио, по его словам, не ответил на запрос о ситуации в Китае, сделанный еще 19 сентября после обращения Л. М. Карахана. Тем не менее, посол, сославшись на источники в Женеве, поведал наркому о переговорах, имевших место в Шанхае между Китаем и Японией по поводу прекращения инцидента. Затем Хирота прибавил, что имеет «частные сведения о выступлении китайских солдат против японцев в Мукдене и о бомбах, брошенных в Харбине в помещение японского консульства»⁴.

На это М. М. Литвинов, между делом посетовав на низкую скорость японских телеграфных сообщений и не преминув похвалить качество работы ТАСС, заметил, что по имеющимся у него данным железнодорожная станция Куаньчэнзцы уже захвачена японскими войсками, а среди советских граждан имеются даже убитые. В заключение же вновь напомнил Хироте о важности мак-

¹ См.: ВКП (б), Коминтерн и Япония. С. 65.

² Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева и др. М., 2001. С. 113.

³ См.: Там же. С. 115; ВКП (б), Коминтерн и Япония. С. 65–66.

⁴ ДВП. Т. XIV. С. 531–533.

симально быстрого информирования СССР относительно всего происходящего вблизи от КВЖД¹.

На следующий день, 23 сентября 1931 г., появилась первая реакция И. В. Сталина на событиях в Маньчжурии, выраженная им в послании Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову. По мнению генсека, «вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае»².

Учитывая эту точку зрения, фактически определявшую дальнейшую линию поведения в отношении маньчжурского инцидента, можно согласиться с мнением В. В. Чубарова, полагающего, что первоначально советское правительство, как, впрочем, и правительства западных стран, не придало серьезного значения действиям Квантунской армии и считало, что Япония осуществляет акцию, близкую по содержанию советской в 1929 г., направленную на то, чтобы «наказать» китайцев, которые не хотят выполнять существующие договоренности³.

Кроме того, с точки зрения И. В. Сталина, какое-либо вмешательство, в то числе дипломатическое, исключалось, «так оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились». Тем не менее, считал Сталин, «запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий, конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин»⁴. Аналогичные указания относительно «аккуратного информирования Москвы о происходящих событиях» и уклонения от любых демонстративных шагов и даже разъяснений были направлены Политбюро советским дипломатам⁵. Иными словами, советское руководство на данном этапе решило занять нейтральную, выжидательную позицию и пока лишь наблюдало за происходящим со стороны, хотя, например, М. М. Литвинов все не успокаивался и даже поставил свою визу на печатание в «Известиях» от 23 сентября стихотворения Демьяна Бедного, в котором, по мнению Л. М. Кагановича, был «прямой выпад в отношении нашей политики»⁶.

¹ ДВП. Т. XIV. С. 531–533.

² Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. С. 116.

³ См.: Чубаров В. В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика 1917–45 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 119–120.

⁴ Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. С. 116.

⁵ См.: ВКП (б), Коминтерн и Япония. С. 66.

⁶ Дацышен В. Г. Консульства Маньчжоу-Го в России: из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 136–137.

В тот же день, 23 сентября, состоялись новая встреча Л. М. Карахана с представителем Нанкина на советско-китайской конференции Мо Дэхою, отметившим, что «если не удастся ликвидировать события мирным путем, Китай примет другие меры для защиты своих интересов»¹. Замнаркома, в свою очередь, заметив, как бы между прочим, что отсутствие дипломатических отношений между СССР и правительством Чан Кайши мешает объективной оценке ситуации и определению Советским Союзом своей позиции по конфликту, в чем заинтересован именно Китай, заверил Мо Дэхоя, что советская сторона ни в коем случае не намерена осложнять и без того непростое положение в Маньчжурии².

Как считает В. В. Чубаров, советские представители не собирались оказывать на Японию какое-либо дипломатическое давление и высказывали всего лишь ни к чему не обязывающие «недоумение» и «обеспокоенность». На подобную реакцию со стороны СССР надеялось, и, как оказалось, не напрасно, японское правительство, используя в качестве метода убеждения аргумент в виде японского нейтралитета во время советско-китайского конфликта 1929 года³. Нарком по иностранным делам М. М. Литвинов решительно отвергал подобные аналогии, но, тем не менее, в отличие от первых дней после «инцидента», в дальнейшем воздерживался от каких бы то ни было антияпонских акций⁴.

Осложнившаяся обстановка вокруг Дальнего Востока требовала возвращения в Японию советского полпреда в этой стране А. А. Трояновского. Решение об этом было принято 1 ноября 1931 года⁵. По воспоминаниям его сына, Трояновский был срочно отозван из отпуска⁶. Здесь следует заметить, что уже 2 ноября 1931 г., согласно записям в журнале посещений кремлевского кабинета И. В. Сталина, А. А. Трояновский посетил генсека⁷. Беседа продолжалась около получаса, и, на наш взгляд, вполне вероятно предположение о том, что полпред получил те или иные инструкции относительно направлений дальнейшей деятельности в Японии. Более того, О. А. Трояновский в своих мемуарах утверждает, что «во время пребывания в отпуске отец получил благословение

¹ ДВП. Т. XIV. С. 533–535.

² Там же.

³ См.: Чубаров В. В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.). С. 120–121.

⁴ См.: Молодяков В. Э. От вражды к партнерству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР. 1930–1941 гг. С. 523.

⁵ См.: ВКП (б), Коминтерн и Япония. Док. № 60. С. 70.

⁶ См.: Трояновский О. А. Через годы и расстояния: История одной семьи. М., 1997. С. 48.

⁷ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 50.

Сталина расширить связи с правыми и даже крайне реакционными элементами»¹.

По прошествии некоторого времени А. А. Трояновский передал в Москву свои предположения о том, что японское правительство пока не стремится к осложнению отношений, хотя среди военных, особенно находящихся с войсками в Маньчжурии, имеются весьма агрессивные настроенные элементы². Он советовал быть настороже, внимательно следить за тем, что произойдет на севере Маньчжурии, и в то же время до выяснения планов дальнейшей агрессии японцев полпред рекомендовал воздержаться от резких демонстраций вроде отказа от намечавшихся приглашений японских деятелей в Москву, прекращения рыболовных переговоров и т. п.³

В ноябре 1931 г., с продвижением японских войск в Северную Маньчжурию, пришла «очередь» СССР встревожиться за судьбу своих интересов и безопасность в дальневосточном регионе⁴. Так, 18 ноября подразделения Квантунской армии захватили Цицикар и впервые вышли к линии КВЖД, что означало по сути прекращение безопасного существования железной дороги, ранее вполне защищенной от вторжения извне. На следующий день, 19 ноября 1931 г., вице-министр иностранных дел Японии Ногаи сообщил советскому полпреду, что японским солдатам и офицерам дан специальный приказ ни в коем случае не причинять КВЖД какого-либо ущерба, и пообещал, что войска через четыре-пять дней уйдут из Цицикара на юг⁵.

27 ноября 1931 г. И. В. Сталин направил наркомвоенмор К. Е. Ворошилову письмо, которое, по мнению В. П. Сафронова, можно считать, пусть и весьма условным, но все же неким поворотным пунктом в воззрениях генсека на цели японского вторжения в Маньчжурию⁶. Эту точку зрения вполне можно принять. Если до появления этого документа И. В. Сталин был искренне убежден в несомненном существовании сговора крупнейших империалистических держав, направленном на раздел Китая на сферы влияния, и еще не был уверен в наличии определенной военной угрозы для Советского Союза, то теперь главный упор делался именно на этот аспект: «Япония задумала захватить не только

¹ Трояновский О. А. Через годы и расстояния: История одной семьи. С. 51.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ См.: Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. С. 66.

⁵ См.: Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 112.

⁶ См.: Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. С. 365.

Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами <...> Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, к Монголии, чтобы приращением новых земель пощекотать самолюбие своих китайских ставленников и возместить за счет СССР потери китайцев. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку»¹.

Кроме того, В. П. Сафронов считает также, что здесь и начинаются, пусть и небольшие, но все же расхождения между наркомом М. М. Литвиновым, придерживавшимся менее пессимистичных и изоляционистских взглядов на дальневосточную политику, пока еще не полностью убежденного в наличии «японской опасности», и И. В. Сталиным (впоследствии вместе с другими членами Политбюро), который первым из советских лидеров заговорил о ее действительном, а не мнимом существовании и начавшим принимать решительные контрмеры². Однако это мнение В. П. Сафронова трудно поддержать, поскольку нарком по иностранным делам еще в сентябре 1931 г. был самым воинственно настроенным в отношении японской агрессии советским руководителем высшего уровня.

Что касается дальнейшего развития событий, то в Москве, судя по всему, пока не оставляли надежды разрешить конфликт мирным путем и 23 декабря 1931 г.³ приняли решение сделать первый шаг. 31 декабря нарком Литвинов предложил специальному посланнику в Женеве и бывшему японскому послу во Франции Иосидзаве (Есидзаве), только что назначенному министром иностранных дел и остановившемуся в Москве проездом, заключить двусторонний пакт о ненападении. В ходе беседы нарком заявил, что «основой нашей внешней политики является сохранение мирных и дружеских отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией»⁴.

М. М. Литвинов подчеркнул, что «СССР заключил пакты о ненападении и нейтралитете с Германией, Турцией, Персией, Афганистаном, парафировал пакт с Францией <...> Ведутся переговоры с Финляндией, Латвией, Эстонией и Румынией. Мы будем связаны пактами со всеми соседями. Япония является единственным соседом СССР, который не заключил с ним пакта о ненападении и не ведет переговоров о таком пакте»⁵. Нарком обратил внимание на

¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 161–162.

² См.: Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. С. 365–366.

³ См.: ВКП (б), Коминтерн и Япония. С. 74.

⁴ ДВП. Т. XIV. С. 746–748.

⁵ Там же.

то, что отсутствие такого пакта с Японией является ненормальным и не свидетельствует о намерении со стороны Японии проводить миролюбивую политику¹. Иосидзава не дал определенного ответа на предложение Литвинова, сославшись на то, что он еще не имел возможности выяснить политику нового кабинета, тем не менее, глава японского МИДа обещал передать советское предложение своему правительству².

12 января 1932 г., еще до возвращения Иосидзавы на родину, советский полпред А. А. Трояновский встретился в Токио с премьер-министром Инукаи и прямо поставил перед ним вопрос о пакте, а в заключение беседы передал меморандум с перечислением всех предыдущих советских инициатив и двусторонних переговоров по данному вопросу³.

Как утверждает в своей работе Г. Бикс, остается неизвестным, как воспринял предложение Кремля император Хирохито (особенно если учесть, что он мог и не знать о нем), но кабинет премьер-министра Инукаи советскую инициативу явно проигнорировал⁴. Тем не менее, если верить докладу об итогах 64-й сессии японского парламента, вопрос обсуждался в руководстве страны. Тогдашний (в 1932–1933 гг.) министр иностранных дел Японии Утида якобы заявил в парламенте, что «ввиду расхождений мнений по этому вопросу, правительство решило, что момент для заключения подобного пакта пока не наступил, что, однако, не означает агрессивной политики Японии по отношению к СССР»⁵.

Так или иначе, но официальный негативный ответ из Токио в Москве был получен лишь 13 декабря 1932 г., когда министр иностранных дел Утида вручил советскому полпреду А. А. Трояновскому конфиденциальную ноту с отказом от пакта. Официальной мотивировкой было то, что обе страны подписали Антивоенный пакт (пакт Бриана – Келлога), который делает дополнительные двусторонние соглашения излишними⁶.

Сталин, по мнению Г. Бикса, «держал двери для переговоров открытыми еще год, после чего счел, что угроза со стороны Япо-

¹ См.: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. С. 114.

² Там же. С. 115.

³ См.: *Молодяков В. Э.* От вражды к партнерству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР. 1930–1941 гг. С. 524.

⁴ См.: *Бикс Г.* Хирохито и создание современной Японии / пер. с англ. Ю. Г. Кирьяка. М., 2002. С. 221.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 394. Л. 163. Авторство и способ пересылки доклада пока не установлены. Документ датирован 19 июля 1934 г. и отложился в фонде Коммунистической партии Японии (495).

⁶ См.: *Молодяков В. Э.* От вражды к партнерству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР. 1930–1941 гг. С. 524.

нии миновала»¹. Откуда проистекает такое толкование взглядов генсека на степень опасности, которую страна Восходящего солнца представляла для Советского Союза в то время, очевидно, еще только предстоит выяснить.

Итак, что же изменилось в положении СССР на Дальнем Востоке после сентября 1931 года? На этот вопрос отвечает в своих «Тюремных записках» разведчик Рихард Зорге: «Прямое влияние Маньчжурского инцидента состояло в том, что Советский Союз оказался в непосредственном соприкосновении с Японией в обширном пограничном районе, который до этого в общем-то не принимался во внимание с точки зрения национальной безопасности. Другими словами, возникла новая, непростая для СССР ситуация»².

* * *

С сентября по ноябрь 1931 г. в политике руководства СССР в отношении японского продвижения в Маньчжурии наблюдалось осторожное выжидание и накопление информации о дальнейших планах Японии. В ноябре–декабре 1931 г. руководство Советского Союза и, главным образом, И. В. Сталин, начинает постепенно осознавать опасность, которую таит в себе дальнейшее продвижение Японии на территорию северо-восточного Китая. Стремясь выиграть время для принятия неотложных мер по предотвращению угрозы, советское правительство обратится к Японии с инициативой по заключению договора о ненападении. Отказ Японии от подписания такого документа, который последовал в декабре 1932 г., скорее всего, был воспринят в Москве как свидетельство сохраняющейся угрозы и заставил предпринять на советском Дальнем Востоке дополнительные усилия военного характера.

¹ Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. С. 221.

² Зорге Р. Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994. № 5–6. С. 172.